

Уже полгода не стихает скандал, связанный с возведением в Москве Зурабом Церетели памятника Петру I. Накал страстей столь силен, что помимо горожан в него оказались вовлечены первые лица государства. Противники монумента грозят референдумом, который поставит на место неугомонного ваятеля, защитники пишут яростные письма, обличая первых в попытке силовыми методами решать вопросы искусства. И те, и другие периодически митингуют подле царя, строительство которого тем временем идет полным ходом. Сам автор упорно хранит молчание, сделав исключение только для «Новой газеты»

ТЕЛЕПЕРСОНА

Зураб ЦЕРЕТЕЛИ:

«Без Бориса Николаевича я шага не сделаю». А Петра — сделал!

— Зураб Константинович, отчего это на вас ополчилась почти вся печатная и электронная пресса? Почему развернулась столь мощная антицеретелиевская кампания, сравнимая по размаху разве что с борьбой против расширения НАТО на Восток?

— Если честно, я не могу объяснить. Если бы они правду писали, тогда бы я ответил. А когда врут, обманывают, пишут какие-то дурацкие вещи...

— Например?

— Например, что я приставил к статуе Петра голову Колумба, сделанного для Америки. Это просто смешно. Таким образом, опозорились не только журналисты, но и те люди, которые проводили презентацию в Америке и передавали официальный дар от испанского короля и королевы. А ваши коллеги себя таким образом просто позорят. Не надо обманывать.

— Масло в огонь подлил Борис Николаевич, который выразил неудовольствие, что Церетели ставит везде памятники, ни с кем не посоветовавшись.

— Я такого не слышал.
— Я видел по телевизору.
— Вы цитируете его слова или слова диктора?

— Его слова.

— А ну подумайте хорошо: слова диктора или он сам?

— В эфир дали его прямую речь.

— Вы это слышали сами?

— Слышал сам.

— Что, это был его голос?

— Да, его.

— Нет. Это был диктор.

Вот так все вы, журналисты, и ошибаетесь, а в итоге получается испорченный телефон.

— Что же, по-вашему, сказал Ельцин?

— Поймите, я без Бориса Николаевича шага не сделаю. Он для меня пример во всем. Когда Борис Николаевич смотрел Петра, он ничего такого не говорил.

— Какова же, на ваш взгляд, причина, по которой вдруг началась кампания?

— Ну сценарий хорошо сделан. Некоторые думают, что я только недавно появился в Москве. Они не знают, что происходило, — я в России сделал очень много работ. Я был главным художником Олимпиады-80, мои работы есть и в Сочи, и в Мисхоре, и в Адлере, и в Пизунде, и в Ульяновске. Когда Борис Николаевич руководил Москвой, мы начали проектировать парк чудес. Сейчас продолжаю его проектировать для будущих поколений.

— А вам не кажется, что основной удар направлен не в вашу сторону, а в сторону Лужкова, который, как известно, вам покровительствует?

— Честно сказать, я сейчас отошел от политики, хотя был в свое время три раза депутатом. Но депутатство отнимало у меня очень много времени и никакой пользы не приносило. Пользу приносит мое творчество. Что касается вашего вопроса, то я очень люблю Юрия Михайловича. Мы дружим.

— Может быть, в том и причина, что вы с ним друзья?

— Вы думаете, видно, что я слабый человек?! Что без Лужкова я никто?! В Америке я поставил 12 работ, в Лондоне поставил скульптуру, работал в Бразилии, Японии, Франции, Португалии! Что, все мэры и все президенты, начиная Рейганом и кончая Миттераном, сидели и думали, что и как получится у Зураба?

— Вы 35 лет работаете в Москве, и вдруг, как по мажовому волшебной палочке, в тот момент, когда вы стали делать Петра I к 300-летию

Российского флота, поднялась волна общественного негодования, грозящая вот-вот выплеснуться в референдум. Почему?

— Всплеск эмоций случился в конце февраля — начале марта. А весной, видимо, все обостряется. Особенно болезни. Скоро лето — и, помяните мое слово, все начнут хвалить. Вот увидите. А вообще все началось еще раньше, с «трагедии народов», которую я делал на Поклонной горе. Петра — как обычно у нас и бывает с незаконченным произведением — стали ругать заранее. Мотивы мне понятны: творческая интеллигенция молчит, а молодежь шумит. Это, наверное, наша вина, что мы не помогаем молодым художникам.

— Значит, можно сказать, что только больные люди против вас?

— Примеров уйма. Если посмотреть по истории, то можно заметить — ни у кого из художников не было сладкой жизни. Художники — это трагические люди. Потому что тебе никто не аплодирует, как певцу, балерине, скрипачу, артисту. Ты один — и холст. Потом выносишь это, и в тебя — грязь.

— Как вы относитесь к референдуму о сносе вашего Петра, который собирается проводить Марат Гельман?

— В мою защиту выступили не только моряки, но и вся интеллигенция.

— Почему Гельман так яростно выступает против вас?

— Это человек, который занимается молодыми художниками. У него галерея. А выступает из-за того, как уже говорил, что молодые художники у нас без внимания, без статуса.

— То есть с его стороны это гениальный рекламный ход, с помощью которого он привлекает к себе внимание?

— Не могу сказать. Мне трудно судить, что у того или иного человека в голове. Скорее всего идет борьба нового поко-

ления со старым. У каждого свои подходы и задачи.

— Есть версия, что не последнюю скрипку в этой антицеретелиевской кампании играют художники националистического плана типа Глазунова, Клыкова, которые не могут вам простить, что вы «лицо кавказской национальности».

— Чего не знаю, того не знаю. С Глазуновым у меня вроде нормальные отношения. И Глазунова, и Клыкова я ценю за то, что они любят свое искусство. Хороший пример того, что потребности у них есть и они без остановки работают.

— Но почему столь громоздкое сооружение, почему стрелка Москвы-реки и, наконец, почему именно в Москве?

— Объясняю. Я что задумал? Сам пьедестал символизирует характер Петра: из воды поднимается мощная волна, на которой российский самодержец и поднял отечественный флот. На волне тот корабль, который он первым создал. Корабль случайно получился того же размера, как и в натуре. С корабля он смотрит в Европу, в которую он прорубил окно. В руках держит план государства, а руль — это символ.

— А при чем здесь Москва, которую Петр не любил?

— Сейчас я объясню вам...

— Не только мне. Многие не видят логики в установке памятника к 300-летию Российского флота в сухопутной Москве.

— Кто это говорит, сам не любит Москву. 35 лет Петр жил в Москве. Все уникальные законы он издал в Москве. Тут церковь, где венчались его родители, крестили его самого. К тому же по Генплану Москвы на стрелке Москвы-реки оставлено место. В свое время там должна была стоять монументальная вещь Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», которая сейчас стоит на ВВЦ. Но я иду дальше — позади скульптуры будет яхт-клуб, музей Петра, ресторан Петра. Или, вернее сказать, его клуб. К концу следующего года этот комплекс будет закончен. Он будет уникальным. Сейчас я смотрю, как умные люди, бизнесмены, закупают там землю, помещения. И это мертвое место будет жить. Теперь о размерах. Считайте: в Петре только 68 метров. Если бы я сделал меньше, все бы ругали меня: ой, какой шибздик. А потом, все-таки не забывайте, Петр был гигант. Царь России. И когда я слышу разные заявления, почему здесь, а не в Санкт-Петербурге, я отвечаю: он что, был мэром Санкт-Петербурга? Он был царем России. Я получаю сейчас письма с просьбой от французского мэра, английского морского флота, которые умоляют и просят оставить Петра на прежнем месте. Огромная русская колония в Америке просит о том же.

● Сергей ВАРШАВЧИК